

УДК 7.011.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-83-86

Сараева Л.П.

**ФЕНОМЕН МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА
(ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Сараева Любовь Павловна, кандидат философских наук, доцент. Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королева, 7, Белгород, 308033, Россия. E-mail: Saraeva.Lubov@yandex.ru

Аннотация

Чтобы выявить социокультурные характеристики музыкального фольклора, автор осуществляет комплексное исследование, сочетающее этнологический, фольклористический, феноменологический, системный и психологический подходы, включая анализ проявлений «бессознательного». Показано, что музыкальный фольклор способствует осознанию этнокультурных основ, постижению волевых, нравственных, эстетических и интеллектуальных способностей человека. Взгляд на музыкальный фольклор как на явление действительности, в котором соотносены художественное и нехудожественное начала, соответствует его природе, изначально связанной с реальностью бесчисленными узлами. Обзор открывает перспективу изучения новых аспектов социальной и культурной актуальности музыкального фольклора, пути углубления, конкретизации и развития совокупных знаний о нем, о музыкальном мышлении и музыкальной культуре как специфических социокультурных явлениях.

Ключевые слова: музыкальный фольклор; коммуникативные связи; механизмы поведенческой активности; ритуальная коммуникация; художественная коммуникация.

Sarajeva L. P.

**PHENOMENON OF FOLK MUSIC
(PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ASPECTS)**

Sarajeva Lyubov Pavlovna, PhD in Philosophy, Associate Professor. Belgorod State Institute of Arts and Culture 7 Koroleva St., Belgorod, 308033, Russia. E-mail: Saraeva.Lubov@yandex.ru

Abstract

In complexity of the ethnological, folkloristic, phenomenological, system, and psychological approaches attracting "unconscious" the musical folklore finds its sociocultural characteristics. It promotes understanding of ethnocultural, mental bases, and comprehension of strong-willed, moral, esthetic and mental abilities of the person. The view of musical folklore as on the reality phenomenon in the ratio of the art and inartistic beginnings in it corresponds to its nature which is initially connected with reality uncountable bonds. It is about studying of new aspects of social and cultural relevance of musical folklore, about deepening, a specification and development of cumulative knowledge of it, musical thinking and musical culture as the specific sociocultural phenomena.

Keywords: folk music; communication links; the mechanisms of behavioral activity; ritual communication; artistic communication.

Задача адекватного понимания феномена музыкального фольклора предполагает рассмотрение его как неотъемлемой части духовной культуры и культуры в целом, а также в его отношении к самой действительности, и в этом смысле лежит в русле общих тенденций развития философско-культурологической мысли.

Известно, что еще в конце второго – начале первого тысячелетия до нашей эры ведийские жрецы с помощью гимнических интонаций воспевали созидательные силы Природы. В

шестом веке до Рождества Христова греческий мыслитель Пифагор усматривал тождество музыкальной гармонии и иерархических процессов Космоса («музыка сфер»). Уход от космоцентрической точки зрения софистов Антифонта, Гиппия, Протагора, которые объединили мироздание с Человеком как его венцом, подчеркнул сознательное и деятельностное антропологическое влияние на окружающий мир, в том числе с помощью музыки. В мифологии сохранились имена

греческого певца Орфея, главного персонажа карело-финского эпоса Калевала Вяйнямейнена, играющего на кантеле, музыкантов из древнерусских повествований Леля, Садко, Бояна – культурных феноменов прошлого. К фактологии относятся также состязания хоров на греческих религиозных празднествах в честь Диониса; популярность в древние времена хорового пения в Риме, Египте, Индии, Вавилоне; песенное содержание славянского обрядового фольклора, – везде и всюду человеческие воззрения на мир доносились через интонационные практики народов, в которых отражались их переживания.

Особое значение в понимании феномена музыкального фольклора имеет организационно-мобилизующая природа музыки, проявившаяся в разных историко-культурных контекстах. В Средневековье пение было консолидирующим инструментом, объединяющим и примиряющим людей через унисон их голосов. Хор являлся формой единодушия и единомыслия, но никак не музыкальной эстетической формой: от певчих не требовалась чистота интонации, достаточным считалось единение веры и души поющих. В философии Нового времени пение (искусство) рассматривается Дж. Вико одной из первичных ипостасей человеческого познания через посредство фантазии, чувства, страсти – изначальных познавательных инструментов в постижении сути вещей, играющих не менее важную роль, чем разум. Характерное для этого времени представление любого культурного занятия способом созидания человеком самого себя и формой взаимодействия с окружающим миром показывает пение («музыкальный фольклор» в рамках данной статьи – Л.С.) средством общения и формой коммуникации при изначальном равенстве народов в поэтическом творчестве. Данная идея немецкого философа-просветителя Й. Гердера высказана им на страницах сборника «Народные песни» (1778-1779 гг.).

Исторически подвижный характер музыкального фольклора отражает историческая, социально-бытовая, культурная этнографическая фактология, представленная в трудах Дж. Фрезера, Э. Тайлора и представителей отечественной мифологической школы – И.М. Снегирева, И.П. Сахарова, А.Н. Афанасьева, донесших информацию о мифологических способах освоения мира. Следы подобных явлений содержатся в ряде равноуровневых текстовых источников времен открытого господства язычества, к коим относятся свидетельства византийских историков (IV в.),

арабских географов (VII-XII вв.), католических миссионеров (XI-XIV вв.), русских летописей и поучений против язычества (XI-XIV вв.); польские и русские записи о пережиточных формах этнографического порядка XV-XVII вв., фольклорные славянские материалы, как, например, священное сказание русского народа «Голубиная книга» (XVIII в.), архаичное ядро которого формировалось в XII-III вв. до н.э. [7, с. 623]; с середины XIX века это дополняется археологическими и этнографическими артефактами.

Познание славянской языческой духовной культуры осуществляли русские исследователи мифологической школы (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, О.Ф. Миллер), исторической школы (В.Ф. Миллер и др.), сравнительно-исторической школы (начиная с А.Н. Веселовского). Обнаружение связи древней письменности с христианством, устных форм (в пределах языческих традиций) – с мифологическими схемами, а также признаков космогонии в разнообразных формах фольклора (сказка, былина, пословица, песня и т.д.) способствовало формированию Ф.И. Буслаевым концепции многоуровневого исторического, а точнее, культурно-исторического процесса. Анализ вопросов иерархичности, цикличности, системности славянского миропонимания был осуществлен Б.А. Рыбаковым. В структуралистском направлении взаимосвязь общеславянских и индоевропейских обрядов выявили В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой. Опосредованное отражение астрологических практик в космогонических текстах установили О. Ройтер и М. Мюллер. Благодаря этим изысканиям музыкальный фольклор обрел статус антропологического, социального, а в целом – специфического человеческого феномена, помимо ранее сформировавшегося к нему отношения как к неотъемлемой части культуры в соответствии с представлениями ведийской и античной мысли, философией Нового времени. Несомненно, масштабная работа с фольклорным материалом позволила в дальнейшем уйти от его очевидных культурных особенностей, сконцентрировав философско-культурологическое познание на специфических его отношениях с действительностью, с ее упорядочивающими, регламентирующими и организующими сторонами.

В трудах Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, И.А. Ильина, И.В. Киреевского, В.В. Розанова, П.А. Сорокина, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, П.А. Флоренского, А.С. Хомякова –

отечественных философов, религиозных мыслителей, историков и социологов – были увязаны культурологические универсалии о непреходящем и вечном с конкретно-историческим содержанием и развитием отдельных форм человеческой деятельности. Примером здесь является точка зрения выдающегося русского мыслителя Н.Я. Данилевского на качественную сторону духовной природы народов, структурирующейся по культурно-историческим типам, которые показывают «свой быт и нравы, свои религиозные воззрения, свой склад мысли и чувств» [4, с. 124]. Определяемые Н.Я. Данилевским через термин «цивилизация» культурно-исторические типы суть главная форма человеческой организации пространства и времени, с помощью которой народности и национальности достигают возможной многосторонности проявления человеческой природы в рамках замкнутой духовной общности, существующей в собственной шкале координат: этнографических, исторических, нравственных.

Формирование национального мышления (и значимость языческого периода в истории русского народа) рассмотрено в трудах И.В. Киреевского, Н.А. Бердяева. Первый отмечал в особенностях русского мировосприятия синтез язычества и православия, в результате которого «христианство не уступало разума язычеству, но, проникая его, подчиняло своему служению всю умственную деятельность мира настоящего и прошедшего, во сколько он был известен» [6, с. 309]; второй выделял в национальных особенностях русской души противоположные «природную, языческую <...> стихию и аскетическо-монашеское православие» [1, с. 30-31], переключаясь в этом с мыслью В.В. Розанова об одинаковой «вкорененности» в русском типе христианства разных элементов и направлений. Собственно национальные особенности процесса познания в амплитуде от его целостности (определяемой мыслителем понятием «живознание» на основе разума, чувств, воли) до потери его неделимости отмечается А.С. Хомяковым. Поиск черт национального своеобразия культуры в процессе самопознания характерен для Н.С. Трубецкого. Самопознание преподносится им как высшая доступная человеку мудрость, так как, постигая самобытность, «человек (и народ) может быть уверен в том, что действительно осуществляет свое назначение на земле, что действительно является тем, чем и для чего был создан» [8, с. 36]. Самобытная национальная культура народа, по

утверждению философа, позволяет ему «познать самого себя» и «быть самим собой». Ее создание является истинной целью для людей, так же как «целью отдельного человека, принадлежащего к данному народу, является достижение образа жизни, в котором полно, ярко и гармонично воплощалась бы его самобытная духовная природа. Обе эти задачи – народа и каждого его отдельного индивидуума, теснейшим образом связаны друг с другом, взаимно дополняют и обуславливают друг друга» [8, с. 36-37].

Следует подчеркнуть, что историко-философский и историко-культурный анализ музыкального фольклора, освобождая от экономических, политических, идеологических, социальных факторов – внешних и производных относительно его сущности – подготовил почву для выявления его социокультурной атрибутивности. Актуализация позитивного знания развернула философско-культурологическое познание от сущностных характеристик музыкального фольклора к вскрытию связей между его фактами и явлениями, то есть к его феноменологичности, способности культурных артефактов информировать о человеке через деятельностное влияние индивидов друг на друга, так как «чем больше оказывается сфера бытия, наполненная человеческой деятельностью, тем яснее проявляются как свойства объективной действительности, так и значение и функция Я» [5, с. 108]. Объяснение «данности» феномена дает Э. Гуссерль, выделивший функциональную его сторону, а методом феноменологических изысканий провозгласивший «приведение к ясности», то есть поиск соотношения «способа данности» и форм «осознания данности» [3, с. 686].

Преодоление традиционного понимания объективности знания как «бессубъектности» и «внесубъектности» находим у Г. Гадамера, показавшего феномен универсальности отношения к миру в изначальной человеческой вовлеченности в бытие, когда «сказываемое» в языке понимается через него же [см.: 2, с. 516]. Языковой характер человеческого опыта мира определил герменевтическое отношение к реальности, составленной слоями бытия, актуализировал показ объективных и всеобщих оснований концептов «рациональность», «знание», «истина», «реальность», морально-нравственных категорий с их относительным значением к специфической концептуальной схеме, парадигме, типу культуры и т.д. в многочисленных формах человеческого освоения мира. Среди последних – язык, нравственность,

историческое сознание, философия и в том числе – искусство.

Все это представляет многоуровневость феномена музыкального фольклора в осмыслении структуры мышления. В этой структуре миф, сказание, поэзия, по словам М. Хайдеггера, относятся к памяти. Рассматривая память не как «просто психологически понимаемую способность удерживать прошедшее в представлении» [9, с. 139], философ подчеркивает бесценность мифа, которому он дает название «самое старое, самое раннее» не только в значении отсчета, но и потому, что тот имеет основание в мышлении. Служа субстратом нашей цивилизации, миф (с точки зрения способов наблюдения и размышления) показывает единство мыслительных процессов современного человека и первобытного. Как видимый, доступный наблюдению социокультурный феномен, музыкальный фольклор сохраняет в себе национальные характерные черты языка, менталитета, темперамента и т.д., осуществляя и накапливая в себе социокультурный опыт. Он отражает генезис становления человека как человека культуры.

Сквозь призму философско-культурологического познания музыкальный фольклор раскрывает основные ценностные, содержательные, мировоззренческие установки, его регулятивно-адаптивную и коммуникативную подоплеку, объясняя, почему произведения народного музыкального творчества, запечатлевшие историческое время своего создания, способны выходить далеко за пределы этого времени, быть понятными и близкими для людей других эпох и других культур в неразрывной цепи исторических событий; почему осуществляемая в музыкальном фольклоре через интонационную выразительную сферу трансцендентальность является условием феноменологического его становления.

Литература

1. Бердяев, Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика. 2008. 320 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы

философской герменевтики. М.: Прогресс. 1988. 704 с.

3. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ. 2000. С. 668-743.

4. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Сост. и комм. Ю.А. Белова. М.: Институт русской цивилизации. 2008. 816 с.

5. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга. 2002. 280 с.

6. Киреевский, И.В. Критика и эстетика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна. М.: Искусство. 1979. 439 с.

7. Серяков, М.Л. Голубиная книга – священное сказание русского народа. М.: Алетейя. 2001. 664 с.

8. Трубецкой, Н.С. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука. 1993. С. 36–48.

9. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / Пер. с нем. под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высшая школа. 1991. 192 с.

References

1. Berdyaev, N. *Russian Idea*. St. Petersburg: Azbuka-klassika. 2008. 320 p.
2. Gadamer, H.-G. *Truth and Method*. Moscow: Progress. 1988. 704 p.
3. Husserl, E. *Philosophy as a Rigorous Science. Logical Investigations. Cartesian Meditations....* Minsk: Harvest, Moscow: AST. 2000. Pp. 668-743.
4. Danilevsky, N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. 2008. 816 p.
5. Cassirer, E. *The Philosophy of Symbolic Forms. Volume 2. Mythological Thinking*. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. 2002. 280 p.
6. Kireevskiy, I. V. *Criticism and Aesthetics*. Moscow: Iskusstvo. 1979. 439 p.
7. Seryakov, M. L. *Pigeon Book – the Sacred Legend of the Russian People*. Moscow: Aleteia. 2001. 664 p.
8. Trubetskoy, N. S. On the True and False Nationalism. *Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation. Anthology*. Moscow: Nauka. 1993. Pp. 36–48.
9. Heidegger, M. *Conversations on a Country Road*. Moscow: Vysshaya shkola. 1991. 192 p.